

УДК 929.2.; 94.(47)

СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МЕХАНИЗМА**Земцов Борис Николаевич,**

д-р ист. наук, доцент, зав. кафедрой истории Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана, Россия, 105005, г. Москва, ул. 2-я Бауманская, д. 5, стр. 1. E-mail: zemtsovbn@mail.ru

Дискуссия по поводу степени объективности и субъективности возникновения советской политической системы остается одной из ключевых проблем современной отечественной историографии советского периода. В статье раскрывается процесс формирования советского партийно-государственного механизма. Рассмотрены причины, по которым большевики-революционеры через несколько лет после прихода к власти создали недемократический политический режим. Показаны попытки большевиков изменить сложившуюся ситуацию.

Автор полагает, что доминирующие подходы современной историографии в оценке политических процессов начала XX в., большевистской политики периода гражданской войны и 20-х гг. во многом предопределяются знанием историками того, что произошло в последующие десятилетия. Большевистское партийно-государственное руководство не могло этого знать. Большевики пришли к власти ради решения социально-бытовых проблем обездоленных масс населения, существовавших в дореволюционной политической системе. И многое было сделано. Но для преобразования общества на основах социализма не было экономических условий, политических возможностей и ментальных традиций. На основе партийных источников 20–30-х гг. XX в. автор делает вывод, что сложившаяся политическая система, партийно-государственный механизм явились одновременно результатом отказа от создания правового государства и попытки воплотить в жизнь идею прямой демократии: создание безгосударственной системы рабоче-крестьянского самоуправления.

Ключевые слова:

Большевистское государство, государственный механизм, политический режим, авторитаризм, прямая демократия.

В 1917 г. в России произошла революция, предопределившая историческое развитие страны на многие десятилетия. Она была вызвана целым комплексом исторических обстоятельств и представляла собой отнюдь не только отречение Николая II, захват Зимнего дворца и мостов, вокзалов и телеграфа. Революция – это огромный пласт изменений, вызванных изменениями в мышлении народных масс. Она была направлена на радикальные преобразования самодержавной России на основе идеи справедливости.

Будущий всемирно известный социолог, в молодости революционер П.А. Сорокин, в своем дневнике писал: «Когда историки будут искать группу, которая начала Русскую Революцию, им не нужно будет особо теоретизировать по этому поводу. Русская Революция была начата голодными женщинами и детьми, требовавшими хлеба и селедки. Лишь позднее они вместе с рабочими и политиками постарались сломать это мощное здание Русского Самодержавия» [1. С. 57].

Страна встретила отречение Николая II ликованием. Уже 4 марта 1917 г. массовые манифестации состоялись в Петрограде, Москве, Минске и других городах. К концу марта они охватили всю страну: Тифлис, Екатеринодар, Ставрополь, Ростов-на-Дону, Астрахань, Царицын, Саратов, Омск, Владикавказ, Красноярск, Пермь, Екатеринбург, Уральск, Хабаровск, Архангельск, Новгород, Вятка, Орел, Рязань, Тирасполь, Ялта, Батуми, Баку, Новая Бухара, Тюмень, Ташкент, Владивосток и многие другие города [2. С. 250].

23 марта в Петрограде состоялась грандиозная манифестация – похороны жертв революции. А.М. Коллонтай в тот день писала: «Сегодня –

день похорон геройских жертв русской революции, сегодня – день радостно-скорбного торжества. Сегодня взоры бесправных, обездоленных всего мира обращены на Россию, на тот город, где геройская решимость рабочих и бесправного русского крестьянства сбросила иго царского самодержавия. Сегодня, в день похорон геройских жертв революции, отдавших жизнь свою за величайшее право народа – за свободу, мы не только с песнями братской печали хороним этих героев, но и с гимном победы предаем земле и царское самодержавие со всем, что в нем было кроваво-преступного, темного, с его издевательством над рабочим людом, с его закрепощением крестьян, с солдатским бесправием, с продажностью слуг царских, с тюрьмами, Сибирью, нагайками, виселицами, с его произволом, гнетом, насилием» [3].

Численность большевистской партии в феврале 1917 г. по одним источникам составляла 10 тыс. человек, по другим – 24 тыс. К апрелю она выросла до 80 тыс. человек. На первом Всероссийском съезде Советов в июне 1917 г. большевики получили лишь 12 % делегатских мандатов. Однако осенью 1917 г. они захватили власть в обеих столицах.

В январе 1918 г. большевики вынесли на III Всероссийский съезд Советов «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Поскольку на съезде присутствовали делегаты от других социалистических партий, с разным отношением к понятиям «диктатура», «демократия», «власть», то началась жаркая полемика. Левые эсеры считали, что важны не только изложенные в Декларации политические принципы, а развернутая Конституция. И III съезд принял постановление о необходимости ее создания.

Есть разные объяснения того, почему в течение двух месяцев конституционная комиссия не была создана. Б.Е. Рощин полагает, что это произошло из-за того, что большевики еще не полностью контролировали власть, а у входивший в общий политический блок – меньшевиков, эсеров и большевиков – были разные взгляды на социалистическое государство [4. С. 161]. Большевики действительно не собирались создавать конституцию, поскольку, по их мнению, любые правовые рамки сковывали бы революционный потенциал масс. Но эсеры и меньшевики в январе–апреле официально считались политическими союзниками большевиков, поэтому открыто отвергнуть их идею тогда было невозможно. Между тем в марте 1918 г. начались конфликты между центральными органами власти (контролировавшиеся большевиками) и местными Советами (где доминировали другие социалистические партии). Законодательно прерогативы тех и других определены не были, что ставило большевиков в сложное положение. В этой ситуации 30 марта пленум ЦК создал комиссию при ВЦИКе для разработки конституции.

В ее состав вошли 16 человек, из которых 13 были большевиками или разделяли большевистские позиции, двое левых эсеров и один эсер-максималист. Председателем конституционной комиссии стал Я.М. Свердлов. Ни до назначения на этот пост, ни после никаких теоретических статей по конституционному праву Я.М. Свердлов не писал и о содержании конституций других стран вряд ли знал. Кроме того, он имел неполное среднее образование. Но в глазах большевиков все это не имело никакого значения. Как и все остальные большевистские вожди, Я.М. Свердлов одной из ключевых задач партии считал создание условий для максимально широкой инициативы масс, не нуждающихся ни в каких законах. И в этом плане как председатель конституционной комиссии он был на своем месте.

Участие в работе комиссии эсеров не могло повлиять на конечный результат. Материалы работы комиссии не публиковались, и о сути разногласий в ходе ее работы никто не знал. Проект конституции появился в «Известиях ВЦИК» лишь 3 июля, т. е. за день до открытия V съезда Советов. В программе работы съезда о конституции оказался на последнем месте.

10 июля на съезде от имени комиссии выступил Ю.М. Стеклов. Обсуждения как такового не было, выступить пожелал лишь один делегат от фракции максималистов. Ни тот, ни другой юристами или общественными деятелями не являлись и важности проблемы понять не могли. Менее чем через час конституция была принята.

Между тем с октября 1917 г. по лето 1918 г. численность большевистской партии сократилась с 350 до 150 тыс. человек. Популярность же левых эсеров росла. На III Всероссийском съезде Советов их было 16 %, на IV – 20 %, на V – свыше 30 %. Опасность утраты большевиками политической

власти исходила и со стороны меньшевиков, влияние которых среди рабочих существенно увеличилось.

За несколько месяцев революции рабочие привыкли к формам прямой демократии и были раздражены тем, что большевики, получив большинство в органах власти и профсоюзах, препятствовали перевыборам. В ответ рабочие в противовес большевистским профсоюзам начали создавать новые структуры – «уполномоченные» фабрик и заводов. В январе–феврале движение «уполномоченных» охватило 56 предприятий Петрограда. Их число продолжало быстро увеличиваться. 13 марта было создано «Чрезвычайное собрание уполномоченных фабрик и заводов» Петрограда. Движение быстро перекинулось на другие города.

В мае–июле «уполномоченные» организовали десятки многотысячных антибольшевистских стачек и демонстраций. Большевики ответили расстрелами рабочих демонстраций в Туле, Коврове, Березовском заводе (на Урале), в Колпино – (пригороде Петрограда).

Успех предпринятых меньшевиками шагов был настолько очевиден и приобрел настолько широкий размах, особенно в рабочей среде, что встал вопрос об организации Всероссийского съезда Собраний уполномоченных. Шансов победить на нем большевики не имели. Поэтому накануне открытия Первой Всероссийской конференции уполномоченных от заводов и фабрик, назначенной на 20 июля 1918 г., большевики провели повальные аресты, закрыли печатные органы меньшевиков, организовали суды против лидеров партии – Ю. Мартова, Ф. Дана, А. Мартынова, С. Шварца, Б. Николаевского, Е. Грюнвальда и др. В июне большевики исключили меньшевиков из ВЦИКа и местных Советов.

В том же месяце из ВЦИКа и местных Советов были исключены правые эсеры, в июле – левые эсеры.

В стране утвердилась однопартийная большевистская власть. Большевики не осознавали опасность отказа от демократических принципов в политике. Им казалось, что они смогут вывести страну из социально-экономического кризиса и исторического тупика. Важность таких целей в их глазах бесконечно превышала значение «буржуазной» демократии.

Маловероятно, что основной причиной ликвидации советской власти в ее трактовке 1917 г. как системы прямой демократии была тяга большевиков к власти. Исследования последних лет (В.С. Теслин [5], М.Р. Габитов [6], И.А. Крепкова и А.А. Тихонов [7], А.С. Кашликов, В.В. Лагутин [8]) дают основание утверждать, что этой причиной были центробежные силы, заложенные в саму идею прямой демократии в стране с такими разными регионами.

Кроме того, зафиксированная в конституции 1918 г. система высших органов власти оказалась неэффективной. Высший законодательный и ис-

полнительный орган – съезд Советов – должен был созываться на несколько дней не менее двух раз в год. Число делегатов было более тысячи. Работа съезда представляла собой митинг длиною в несколько дней. В этих условиях полноценно работать над текстами законов делегаты не могли. В лучшем случае они успевали лишь вникнуть в суть декретов, разработанных не ими. На период между съездами высшей властью в стране становился Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет. Его численность составляла около 200 человек. Но и он не был постоянно действующим, а собирался на короткие сессии (те же несколько дней).

Именно поэтому система Советов летом–осенью 1918 г. начала сворачиваться, хотя она уже была однопартийной. Функции съездов Советов и ВЦИК как законодательных органов перешли к СНК, хотя это был орган исполнительной власти: с 1917 по 1921 гг. съезды Советов приняли 34 постановления, ВЦИК – 299, Президиум ВЦИК – 46, а Совет народных комиссаров – 1364, другие ведомства – 771.

Для членов партии более важное значение имели не нормативно-правовые акты, а партийные решения, прежде всего, партийная программа.

На VIII съезде РКП (б) для выступления по вопросу программы записалось 47 делегатов. Из-за недостатка времени выступило 12. Но и их предложения в окончательный текст программы вошли лишь частично.

На том же съезде был принят Устав РКП (б). В соответствии с ним, внутрипартийные отношения должны были строиться на основе принципа «демократического централизма». Однако в 1918–1919 гг. демократические отношения стремительно сокращались и в партии. Для большевиков с дооктябрьским стажем, людей с революционными идеалами и ожиданиями, эта ситуация оказалась неожиданной. Уже в 1919 г. на VIII съезде РКП (б) на В.И. Ленина и партийно-государственное руководство обрушился шквал критики [9. С. 303–304]. Она продолжилась и на IX съезде: «...Тов. Ленин говорил в своем отчете о единоначалии, противопоставляя его коллегиальности... Тов. Ленин в последнее время вообще говорил об единоначалии, где только представляется возможным» [10. С. 46]; «...Вопрос не в том, правильно ли съезд или неправильно поступил, это уже воля съезда, но я сейчас поднимаю другой вопрос. Имел ли право ЦК в своей повседневной работе наметить линию совершенно противоположную, чем поставил съезд?» [10. С. 46].

Большинство членов партии с дооктябрьским партийным стажем, привыкшие к другим отношениям, в быстром сокращении внутрипартийной демократии большой опасности не видели. Так, А.М. Назаретян (член РКП (б) с 1905 г., член ЦК РКП (б), секретарь Закавказского крайкома РКП (б)) писал своему товарищу по партийной работе Г.К. Орджоникидзе в августе 1922 г.: «...Коба ме-

ня здорово дрессирует. Пока из меня вырабатывает совершеннейшего канцеляриста и контролера над исполнением решения Полит. Бюро, Орг. Бюро и Секретариата. Отношение как будто не дурные. Он очень хитер. Тверд, как орех, его сразу не раскусишь. Но у меня совершенно иной на него взгляд теперь, чем тот, который я имел в Тифлисе... Ильич имеет в нем безусловно надежнейшего чербера, неустрашимо стоящего на страже ворот Цека РК» [11. С. 262–263]. Многие большевики совершенно правильно уловили возникновение опасной для партии тенденции, но понимание ее причин пришло не сразу.

Сокращение демократии в партии вызывалось тем, что, став правящей, РКП (б) начала стремительно менять свои функции. До революции главными функциями партии были теоретическая и идеологическая. В нелегальных условиях демократия была естественным состоянием, так как в приказном порядке теоретические и идеологические вопросы не решаются. После революции все силы партии были брошены на организацию государства, функционирование же государственного механизма строится на основах централизма и исполнительной дисциплины [12. С. 69].

В таких условиях единственное, что могло спасти партию и страну от будущих трагедий, состояло в ее построении по аналогии с демократическими государствами. То есть вместо сессионного принципа работы ЦК РКП (б) (пленумы ЦК, как и Верховный Совет, собирались по нескольку раз в год), следовало превратить его в постоянно действующий орган. Но поскольку в основе марксистского понимания государства лежала идея прямой демократии, сделать это было невозможно. В результате место постоянно действующего, демократически сформированного высшего партийного органа занял партийный аппарат, к созданию которого ни партийные съезды, ни пленумы партии отношения не имели.

До революции партийного аппарата не существовало. Партия состояла из двух частей: одну часть представляли профессиональные революционеры (не имевшие зачастую ни дома, ни семьи), вторую – рядовые члены партии, занимавшиеся партийной деятельностью в свободное от основной работы время.

Уже в 1917 г. вторая, «непрофессиональная», часть партии очень выросла. Возникла необходимость в создании организационно-партийной структуры. После Октябрьской революции секретарскую работу в какой-то мере «по совместительству» выполнял Я.М. Свердлов. Тем не менее, летом 1918 г. ЦК РКП (б) констатировал: в партии упадок и разброд [13. С. 145].

Для обсуждения сложившегося положения на VIII съезде РКП (б) была создана специальная секция, в работе которой приняли участие более 100 делегатов из 403 присутствовавших на съезде. Съезд решил, что несколько членов ЦК должны заниматься только внутрипартийной работой (в от-

лично от тех, кого партия посылает на советскую или хозяйственную работу). Было также решено создать должности ответственного секретаря и пяти технических секретарей – его помощников. В функции секретаря и его аппарата входила канцелярская, учетно-распределительная деятельность.

С увеличением объема работы рос и технический аппарат. В 1918 г. Свердлову помогали от 15 до 30 человек [13. С. 806]. В 1920 г. в аппарате ЦК (по разным источникам) уже насчитывалось от 120 до 150 человек [10. С. 507], в 1923 г. – 705, к весне 1924 г. – 694 человека [14. С. 128]. С управленческой точки зрения, рост технического партийного аппарата был вполне логичным: из-за низкой технической оснащенности качество работы могло быть достигнуто лишь увеличением числа ее исполнителей. Но опасность состояла в том, что аппарат функционировал, все меньше и меньше советуясь с партийными организациями.

Понятие «партийные органы» стало расплываться. Раньше было ясно: члены партийных органов – это люди, выбранные на съездах и конференциях. Но численность сотрудников аппарата ЦК, например, в 1921 г. оказалась в 15 раз больше численности членов ЦК. Причем львиную долю работы выполняли именно эти сотрудники. Председатель ревизионной комиссии В.П. Ногин, проверявший работу ЦК в 1921–1922 гг., говорил: «...Отсюда естественно сделать вывод, что эта постоянная, важная, большая работа, которая иногда определяет судьбу той или другой организации или того или иного работника, прodelывается мало кому известными товарищами. Все это хорошие партийные товарищи, но это – партийная бюрократия, партийные чиновники» [15. С. 61].

Между тем превратить пленумы ЦК РКП (б) в постоянно действующие, демократически сформированные органы никто из критиков не предложил. Механизм, который мог бы заблокировать формирование авторитарного режима, не возник.

Отношение в высшем партийном руководстве стали складываться не просто на основе личных отношений, а на основе личной преданности.

Конституция 1924 г. в реальном государственном механизме ничего не изменила. На время ее создания приходится начало внутрипартийной борьбы. Но по сложившейся партийной этике разногласия на общество не выносились. Никто из критиков И.В. Сталина не ставил под сомнение правильность ключевого положения ВКП (б) в политической системе СССР. Н.И. Бухарин даже в 1933 г. писал: «Диктатура пролетариата вообще и диктатура пролетариата в частности, кроме единодержавия класса, включает особый момент, несвязанный даже своими собственными законами» [16. С. 224].

В силу сессионного характера работы Съездов они по-прежнему не могли заниматься реальным законодательным процессом, поэтом круг вопросов, обсуждаемых на съездах, постоянно сужался.

Съезды Советов превратились в фикцию. Например, в период между V съездом Советов (май 1929 г.) и VI съездом Советов (март 1931 г.) были приняты сотни законов, но на съезде они даже не упоминались. VI съезд Советов СССР за 9 дней рассмотрел только четыре вопроса: отчет правительства Союза СССР, совхозное строительство, колхозное строительство, доклад о конституционных вопросах.

Доклады правительства на всесоюзных съездах носили информационный характер. По своей сути съезды представляли собой торжественные мероприятия – встречи партийно-государственного руководства с передовиками производства. Их целью стала легитимизация решений партийно-государственного руководства.

В соответствии с конституцией 1924 г., в период между съездами высшим органом власти в стране являлся ЦИК СССР. С начала 30-х гг. членом ЦИК СССР предлагалось утвердить «списком» постановления, принятые Президиумом ЦИК, между сессиями ЦИК СССР. Так, на январской сессии 1934 г. этот список состоял из 34 постановлений, в январе 1936 г. – из 66 постановлений. Это лишало членов ЦИК возможности эффективно работать над законопроектами.

В 90-е гг. XX в. в историографии чрезвычайно много уделялось внимания характеру И.В. Сталина. Фактически это было повторение ошибочного подхода к политической истории партийно-государственного руководства в 50-е гг. Тогда сложнейшие исторические процессы были сведены к ошибкам И.В. Сталина. Маловероятно, что И.В. Сталин и его окружение руководствовались какими-то мотивами. Скорее всего, великие цели, которые они ставили перед страной, делали малозначимыми методы и средства их достижения.

Реконструировать советские политические процессы сложно. В ноябре 1919 г. Политбюро ЦК РКП (б) постановило: «Решения по наиболее серьезным вопросам не заносить в официальный протокол, а товарищу Крестинскому отмечать их себе для памяти и для личного исполнения» [17. С. 145]. В середине 20-х гг. в период внутрипартийной борьбы все члены Политбюро ЦК ВКП (б) редактировали свои реплики и выступления. В 1931 г. Политбюро ЦК ВКП (б) постановило: «...По секретным вопросам никакой переписки не вести» [18. С. 23–24]. Но исторические источники и в этой ситуации позволяют реконструировать отношения внутри советской политической элиты.

Судя по письмам, которые И.В. Сталин писал с юга, куда он уезжал на время летнего отпуска, во второй половине 20-х гг., в наибольшей степени он доверял В.М. Молотову. В первой половине 30-х гг. его место занял Л.М. Каганович. Он стал основным корреспондентом генерального секретаря. Помимо Л.М. Кагановича и В.М. Молотова, И.В. Сталин обменивался письмами с Г.К. Орджоникидзе, К.Е. Ворошиловым и другими членами высшего руководства страны.

В течение первой половины 30-х гг. тональность писем изменилась: письма И.В. Сталина становились все более сухими, а, например, ответы Л.М. Кагановича – менее самостоятельными и более льстивыми [19. С. 23].

По мере укрепления своих позиций, И.В. Сталин все реже советовался с членами Политбюро ЦК ВКП (б). Если в начале 30-х гг. Политбюро созывалось по 7–8 раз в месяц, то в 1935 г. приблизительно раз в месяц, в 1936 г. – 9 раз.

В 1937–1938 гг. И.В. Сталин перестал убеждать членов Политбюро в необходимости того или иного решения. Все, кто мог иметь собственное мнение, были уже устранены.

К 1939 г. И.В. Сталин перестал считаться с членами Политбюро. Многие решения стали приниматься не на пленарном заседании, а путем опроса, без общей встречи. Утвердился режим личной власти И.В. Сталина.

Судя по некоторым документам, были случаи, когда требовалось решение Политбюро. Заинтересованные лица предоставляли в аппарат А.Н. Поскребышева проект решения. А.Н. Поскребышев согласовывал его с И.В. Сталиным, а затем это решение оформлялось в виде постановления Политбюро [20. С. 112].

Возникший в 30-х гг. политический режим вошел в историю как «сталинизм». Связывать причины его возникновения с именем человека, который тогда возглавлял страну, конечно, большое упрощение. «Сталинизм» явился результатом сложнейших исторических процессов первой четверти XX в. В качестве предпосылок он имел следующие:

- отсутствие в дореволюционной, самодержавной России развитого гражданского общества и его влияния на власть;
- отречение Николая II от власти в обществе, не имеющем опыта жизни в условиях политических свобод;
- трагический разлад между социалистическими партиями в годы гражданской войны;
- разлад в партийно-государственном руководстве в середине 20-х гг.;
- в определенной степени «сталинизм» был результатом регенерации самодержавных национальных политических традиций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сорокин П. А. Долгий путь. – Сыктывкар: Союз Журналистов Коми АССР: Шыпас, 1991. – 248 с.
2. Шаповалов С.Н. Российские государственные праздники в период между Февральской и Октябрьской революциями // Теория и практика общественного развития. – 2010. – № 2. URL: <http://teoria-practica.ru/-2-2011/istoriya/shapovalov.pdf> (дата обращения: 15.03.2014).
3. Правда. 1917 г., 6 (23) марта.
4. Рощин Б.Е. Основные конституционные принципы «советской демократии» в условиях «пролетарской диктатуры» (к 95-летию принятия первой российской конституции) // Вестник Ко-

Не меньшее значение имело и наличие большого числа социально-бытовых проблем в странах Запада в начале XX в. Не будь их, социалистические партии до революции 1917 г. и партийно-государственное руководство в 20-е гг. не пытались бы создать более совершенную социально-политическую систему. И.В. Сталин превратился в ключевую политическую фигуру лишь после того, как все эти исторические предпосылки, причины и факторы сработали.

Советское общество не было пассивным объектом для манипуляций режима. Даже после ликвидации в 20-е гг. политических свобод оно, в определенной степени, оставалось субъектом власти. Разумеется, возможность определять стратегию развития страны принадлежала исключительно партийно-государственному руководству, но возможности ее реализации зависели от общества.

В начале 30-х гг. политика И.В. Сталина не имела широкой поддержки. Этим и был вызван массовый террор начала 30-х гг. В середине 30-х гг. ситуация изменилась.

Позиция старших поколений в 30-е гг. была двойственной. С одной стороны, жизнь осязаемо менялась. С другой – многие были разочарованы, не увидев желаемых результатов построенного социализма. Для значительных групп населения были характерны скрытая враждебность и пассивное принятие силы государства.

Но были и слои, поддержавшие режим. Прежде всего, это была бюрократия, которая формировалась из беднейших слоев населения. Для этих слоев в 20-е гг. открылись возможности карьерного роста, в отличие недоступного в дореволюционное время. В своей основе сталинская бюрократия в первой половине 30-х гг. состояла из малообразованных слоев населения. Они не могли осознавать сложность процесса формирования новых общественных отношений и не были знакомы с опытом цивилизованного решения проблем в других странах. Сталинские же политические методы им были вполне понятны.

Этот режим поддерживала молодежь, сформировавшаяся на исторически привлекательной социалистической идеологии. Идеалы революции, общественного переустройства еще не померкли. Для молодого поколения не стоял вопрос – поддерживать ли власть. И.В. Сталин для него являлся харизматическим лидером.

стромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2013. – Т. 19. – № 4. – С. 161–165.

5. Теслин В.С. Местные органы власти в период февральской революции (февраль–октябрь 1917 г.) // Вестник Саратовской государственной академии права. – 2007. – № 4. – С. 210–215.
6. Габитов М.Р. Представительная власть в России после отречения царя и до октябрьской революции 1917 г. // Право и государство: теория и практика. – 2009. – Т. 59. – № 11. – С. 118–123.
7. Крепкова И.А., Тихонов А.А. Формирование представительных органов власти в Астраханском крае после октябрьской революции 1917 г. // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2010. – № 3. – С. 166–171.

8. Кашликов А.С., Лагутин В.В. К вопросу о конфликте представителей центральных органов и местных органов власти после февральской революции 1917 г. на территории Орловской губернии // История государства и права. – 2009. – № 14. – С. 34–36.
9. Восьмой съезд РКП (б). Март 1919 г. Протоколы. – М.: Госполитиздат, 1959. – XVIII + 602 с.
10. Девятый съезд РКП (б). Март–апрель 1920 г. Протоколы. – М., 1960. – 650 с.
11. Большевицкое руководство. Переписка. 1912–1927. Сборник документов. – М., 1996. – 423 с.
12. Земцов В.Н. Источниковедение истории России. Ч. III. Советский период. – М.: МЭСИ, 2004. – 369 с.
13. Десятый съезд РКП (б). Март 1921 г. Стенографический отчет. – М., 1963. – 727 с.
14. Тринадцатый съезд РКП (б). Май 1924. Стенографический отчет. – М., 1963. – 883 с.
15. Одиннадцатый съезд РКП (б). Март–апрель 1922 г. Стенографический отчет. – М., 1961. – 873 с.
16. Бухарин Н.И. Избранные труды. – Л.: Наука, 1988. – 504 с.
17. Известия ЦК КПСС. 1989. № 4.
18. Кен О., Руласов А. Политбюро ЦК ВКП (б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920–1930-е гг.): Проблемы. Документы. Опыт комментирования. Ч. 1. Дек. 1928 – июль 1934. – СПб.: Европейский дом, 2000. – 701 с.
19. Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. – М.: РОССПЭН, 2001. – 798 с.
20. Политбюро ЦК ВКП (б) и Совет Министров СССР. 1945–1953. – М.: РОССПЭН, 2002. – 656 с.

Поступила 21.03.2014 г.

UDC 929.2.; 94.(47)

FORMATION OF THE SOVIET STATE MECHANISM

Boris N. Zemtsov,

Dr. Sc., Bauman Moscow State Technical University, bld. 1, 5,
Baumanskaya 2-ya street, Moscow, 105005, Russia. E-mail: zemtsovbn@mail.ru

Discussion concerning degree of objectivity and subjectivity of the Soviet political system emergence remains one of the key problems of a modern domestic historiography of the Soviet period. The paper reveals the formation of the Soviet party state mechanism and considers the reasons for organizing undemocratic political regime by revolutionary Bolsheviks in some years after coming to power; shows the attempts of Bolsheviks to change current situation.

The author believes that dominating approaches of modern historiography in assessment of political processes of the beginning of the XX c., Bolshevik policy of the period of civil war and the 1920s are predetermined to a large extent by historians' knowing something that occurred in the next decades. The Bolshevik party and state management could not know it. Bolsheviks came to the power to solve social problems of unfortunate mass of the population existing in pre-revolutionary political system. And much was done. But there were no economic conditions, political opportunities and mental traditions to transform society on socialism fundamental principles. Based on the party sources of the 20–30s of the XX c. the author draws a conclusion that the developed political system and the party state mechanism were at the same time the result of refusal of constitutional state formation and attempt to realize the idea of direct democracy: creation of stateless system of Workers' and Peasants' self-government.

Key words:

Bolshevist state, state mechanism, political regime, authoritarianism, direct democracy.

REFERENCES

1. Sorokin P.A. *Dolgy put* [Long way]. Syktyvkar, Union of Journalists of Komi of the Autonomous Soviet Socialist Republic: Shypas, 1991. 248 p.
2. Shapovalov S.N. Rossiyskie gosudarstvennye prazdniki v period mezhdru Fevral'skoy i Oktabrskoy revolyutsiyami [The Russian state holidays during the period between February and October revolutions]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2010, no. 2. Available at: <http://teoria-practica.ru/-2-2011/istoriya/shapovalov.pdf> (15 March 2014).
3. *Pravda* [Truth]. 1917, 6 March (23).
4. Roshchin B.E. Osnovnye konstitutsionnye printsipy «sovetskoy demokratiy» v usloviyakh «proletarskoy diktatury» (k 95-letiyu prinyatiya pervoy rossiyskoy konstitutsii) [The basic constitutional principles of «the Soviet democracy» under «the proletarian dictatorship» (to the 95 anniversary of adoption of the first Russian constitution)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N.A. Nekrasova*, 2013, vol. 19, no. 4, pp. 161–165.
5. Teslin V.S. Mestnye organy vlasti v period Fevral'skoy revolyutsii (fevral-oktyabr 1917) [Local authorities in February revolution (February–October, 1917)]. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy akademii prava – The Messenger of the Saratov state academy of the right*, 2007, no. 4, pp. 210–215.
6. Gabitov M.R. Predstavitel'naya vlast' v Rossii posle otrecheniya tsarya i do oktyabrskoy revolyutsii 1917 [The representative power in Russia after renunciation of the tsar and before October revolution of 1917]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika – The Right and the state: theory and practice*, 2009, vol. 59, no. 11, pp. 118–123.
7. Krepkova I.A., Tikhonov A.A. Formirovaniye predstavitel'nykh organov vlasti v Astrakhanskom krae posle oktyabrskoy revolyutsii 1917 [Formation of representative bodies of the power in the Astrakhan region after October revolution of 1917]. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii – the Messenger of the Ministry of Internal Affairs Volgograd academy of Russia*, 2010, no. 3, pp. 166–171.
8. Kashnikov A.S., Lagutin V.V. K voprosu o konflikte predstaviteley tsentralnykh organov i mestnykh organov vlasti posle Fevral'skoy revolyutsii 1917 g. na territorii Orlovskoy gubernii [On the issue of the conflict between the central bodies and local authorities representatives after February revolution of 1917 in Orel province]. *Istoriya gosudarstva i prava – History of state and law*, 2009, no. 14, pp. 34–36.

9. *Vosmoy sezd RKP (b). Mart 1919. Protokoly* [Eighth congress of RCP (b). March, 1919. Protocols]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1959. XVIII + 602 p.
10. *Devyaty sezd RKP (b). Mart–aprel 1920. Protokoly* [Ninth congress of RCP (b). March–April, 1920. Protocols]. Moscow, 1960. 650 p.
11. *Bolshevistskoe rukovodstvo. Perepiska. 1912–1927* [Bolshevist management. Correspondence. 1912–1927]. Moscow, 1996. 423 p.
12. *Zemtsov B. N. Istochnikovedeniye istorii Rossii. Ch. III. Sovetsky period* [Source studies of history of Russia. P. III. Soviet period]. Moscow, MESI Publ., 2004. 369 p.
13. *Desyaty sezd RKP (b). Mart 1921. Stenografichesky otchet* [Tenth congress of RCP (b). March, 1921. Verbatim record]. Moscow, 1963. 727 p.
14. *Trinadtsaty sezd RKP (b). May 1921. Stenografichesky otchet* [Thirteenth congress of RCP (b). May 1921. Verbatim record]. Moscow, 1963. 883 p.
15. *Odinnadtsaty sezd RKP (b). Mart–aprel 1922. Stenografichesky otchet* [Eleventh congress of RCP (b). March–April, 1922. Verbatim record]. Moscow, 1961. 873 p.
16. Bukharin N.I. *Izbrannye trudy* [Selectas]. Leningrad, Nauka Publ., 1988. 504 p.
17. *Izvestiya TsK KPSS* – News of the Central Committee of CPSU, 1989, no. 4.
18. Ken O., Rulasov A. *Politbyuro TsK VKP (b) i otnosheniya SSSR s zapadnymi sosednimi gosudarstvami (konets 1920–1930): Problemy. Dokumenty. Opyt kommentirovaniya. Ch. I. Dekabr 1928 – iyul 1934* [Politburo of the Central Committee of All-Union Communist Party (bolsheviks) and relation of the USSR with the western neighboring states (end of 1920–1930-s): Problems. Documents. Experience of commenting. P. 1. Dec. 1928 – July 1934]. Saint Petersburg, Evropeysky dom, 2000. 701 p.
19. Stalin i Koganovich. *Perepiska. 1931–1936* [Stalin and Kaganovich. Correspondence. 1931–1936]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2001. 798 p.
20. *Politbyuro TsK VKP (b) i Sovet Ministrov SSSR. 1945–1953* [Politburo of the Central Committee of All-Union Communist Party (bolsheviks) and Council of ministers of the USSR. 1945–1953]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2002. 656 p.

УДК 316.776

КОНТУРЫ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ И ТЕХНОЛОГИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РИТОРИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Карпова Анна Юрьевна,

канд. социол. наук, доцент кафедры философии Института социально-гуманитарных технологий Томского политехнического университета, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, д. 30. E-mail: belts@tpu.ru

Актуальность исследования продиктована необходимостью и важностью изучения изменений в технологии политической риторики, используемой в качестве инструмента манипуляции общественным сознанием. Цель работы – очертить основные контуры современной политической риторики в России, описать то, какую реакцию вызывают риторические уловки в среде экспертов (социологов, политологов, журналистов), и какое отражение такая «языковая игра» находит в обществе.

Методы исследования: сравнительный анализ, вторичный анализ данных социологических исследований.

Результаты исследования: Перформативность (действенность) речей политических ораторов сегодня является существенным отличием политического дискурса современной России от постперестроечного периода. Контуров публичной политики в современной России проявляются через внутренние феномены – риторические уловки политических лидеров. Это – двоемыслие, рефрейминг, мифологизация. Политическая риторика сегодня выступает как формой выражения политики правящей группы, так и стимулом к конкретным политическим действиям.

Выводы: Двоемыслие власти маскирует различные цели, которые в конкретный момент времени выгодны политической элите, по сути, это основа идеологии правящей партии. Двоемыслие власти порождает двоемыслие в обществе. Рефрейминг, или смена фрейма, ведет к тому, что в сегодняшней политике выигрывает тот, у кого фрейм сконструирован наиболее искусно, он выступает носителем смыслового концепта, посредством которого аудитория интерпретирует окружающую политическую, экономическую, социальную действительность. Мифологизация становится одним из нерациональных средств управления обществом. В целом риторические уловки современных российских политиков подрывают доверие в обществе и становятся серьезным препятствием для ведения реального диалога между властью и обществом.

Ключевые слова:

Технология, политический дискурс, политическая риторика, аргументация, двоемыслие, фрейм, рефрейминг, метафора, миф, мифологизация.

Два последних десятилетия в истории России связаны с формированием нового политического дискурса, цель которого «состоит в том, чтобы внушить адресатам – гражданам сообщества – необходимость «политически правильных» действий и/или оценок. Иначе говоря, цель политического

дискурса не описать (то есть, не референция), а убедить, пробудив в адресате намерения, дать почву для убеждения и побудить к действию» [1. С. 156].

Эксплицитно в политическом дискурсе реализуется задача распространения той идеологии, которая соответствует интересам господствующего